

Криптовалюта как объект гражданских прав

Научный руководитель – Ягельницкий Александр Александрович

Цыбикжапов Булат Олегович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: tsybikzhapov.bulat@mail.ru

Проблемы регулирования криптовалют заключаются в неясности их природы: как она может быть передана, какие способы защиты может применять управомоченный в случае незаконного присвоения, как квалифицировать договоры, предметом и объектом которых являются криптовалюты? Ответы на эти вопросы даст корректное определение криптовалюты как объекта права.

Криптовалюты не вещи, т.к. не имеют материального выражения, не относительные права, поскольку передача криптовалюты не влечет возникновения обязательственных прав (Савельев А. И., 2017, С.149) [n4]. Криптовалюты не могут считаться абсолютным правом, этому препятствует принцип *numerus clausus* абсолютных прав, урегулирование прав на криптовалюту как абсолютного права требует описания в законе нового объекта гражданских прав (Янковский Р.М., 2020, с.50) [n6].

В современной германской доктрине сформировалось 2 подхода к природе криптовалют. Это теория реалакта (*Realakt-Theorie*) и теория сделки (*Rechtsgeschäfts-Theorie*).

Согласно теории реалакта права на криптовалюту не существует, есть только владение криптовалютой, и оно составляет имущество. Владение заключается в знании ключей, является необходимым и достаточным условием для использования криптовалют, т.е. решающим фактором является фактический контроль. Передача титула осуществляется исключительно посредством юридического поступка, воля управомоченного игнорируется, в связи с чем лицо не защищено от отчуждения, которое было бы недействительным в соответствии с правилами доктрины сделок (Arndt J., 2021, С.69-71) [n7]. Представители теории реалакта предполагают сильнейшую форму публичности: передача фактического господства завершает передачу криптовалюты. Обладатель фактического господства всегда может распоряжаться объектом (Arndt J., 2021, С.101) [n7]., запись в блокчейне рождает «право» независимо от воли передающего. Приобретение криптовалют происходит независимо от того, является ли адресат добросовестным или нет. Он получает выгоду от перевода, даже если он недобросовестен, а отправитель подписывает транзакцию закрытым ключом третьего лица (Kaulartz M., 2016, с.479) [n8] – блокчейн создает необратимые факты.

Данный подход олицетворяет принцип «code is law» (Федоров Д.В., 2018, с.62) [n5]. Представляется, что данный принцип – это антиправовое явление, «code is law» это издевательство преступников над жертвами воровства. Вспомним кражу криптовалюты Ethereum на сумму 50 млн. долл. из фонда The DAO в 2016 г., когда похититель сослался на этот принцип (Янковский Р.М., 2020, с.47) [n6]. Обладатель криптовалюты не должен терять правовой титул из-за неправомерного отчуждения, как и вор не должен получать титул только из-за записи в блокчейне.

Помимо названных проблем данная концепция имеет и другие трудности: в банкротном процессе недобросовестный банкрот может во вред кредиторам уменьшить имущество, переведя криптовалюту на другой адрес при невозможности оспаривания такого действия по правилам недействительности сделок, поскольку перевод криптовалют – это реалакт.

Принципиально другой подход заключается в теории сделок. Согласно ей право на криптовалюту существует, оно должно быть передано в результате юридической сделки (§ 413 BGB). Этот подход лишен недостатков, которые имеет теория реалакта: вор не приобретает право на криптовалюту – обманутый, находящийся под угрозой человек не теряет его. Чтобы право на криптовалюту перешло согласно теории сделок правообладатель должен быть дееспособным, желать перехода права без недостатков воли, и сделка не должна нарушать правовые запреты. Сделки должны допускать, что отчуждение может не состояться, несмотря на передачу фактического правомочия распоряжения, чтобы защитить интересы правообладателя. С этим связана проблема несовпадения права и объекта, которая может иметь место в случае неправомерного перевода криптовалют. И для защиты доверия третьих лиц к реестру, допускается добросовестное приобретение права на криптовалюту (Arndt J., 2021, С.139) [n7].

Представляется, что для решения проблем правового регулирования криптовалют нужно признать абсолютное право на них. Владение криптовалютой выражается в записи в блокчейне и в знании закрытого ключа. Обладатель права получает исключительное господство и отстраняет третьих лиц (Федоров, 2018, с.54) [n5]. Так, криптовалюта выполняет 2 основные функции абсолютных прав: определение принадлежности и господства (Башкатов, 2022, с.182) [n1]. Обладатель криптовалюты, не состоя в правоотношениях с другими лицами, осуществляет свои правомочия независимо от прав других, тем самым право на криптовалюту представляет собой правом на собственные действия, что подтверждает абсолютность права на нее (Генкин, 2022, с.147) [n3]. Также криптовалюта, как и вещь не может перейти от одного обладателя к другому лишь в силу решения суда. Для этого требуется совершение определенных действий в физическом мире (Будылин, 2023, с.112) [n2].

Отсюда многие авторы предлагают к криптовалюте относиться как к вещи и признать за ней право собственности. Законодатель ограничил понятие вещи физическими предметами, поскольку только над ними может осуществляться фактическая власть. Сущность вещиности заключается в непосредственной власти лица над вещью. Также право может быть осуществлено без воли другого лица, существование обязанного лица не требуется. Следовательно, что вещные права могут иметь место только в отношении вещей как телесных предметов (Arndt J., 2021, С.152) [n7]. Но современный мир настолько наполнился технологиями, что теперь осуществлять фактическую власть возможно и над виртуальными предметами. В отношениях с криптовалютой нет обязанного лица, правообладатель может осуществлять свою власть над криптовалютой самостоятельно без посредников, следовательно, к криптовалютам следует относиться как к вещам в той мере, в какой вещно-правовое регулирование не затрагивает в явном виде физическую природу вещей (Arndt J., 2021, С.137) [n7].

Источники и литература

- 1) Башкатов М.Л. Теории денег в современном гражданском праве. Дисс. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2022
- 2) Будылин С.Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2023, N 5 С. 74 – 115
- 3) Генкин Д.М. Право собственности в СССР (фрагмент) // Вестник гражданского права. 2022. N 4. С. 137 - 150
- 4) Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153

- 5) Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // «Вестник гражданского права», 2018, № 2. С. 30 - 74
- 6) Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77
- 7) Arndt J. Bitcoin-Eigentum \\ Mohr Siebeck Tübingen 2021. С. 255
- 8) Kaulartz M. Die Blockchain-Technologie. Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains// CR. 2016 С. 474-480